

**ЛУЧШИЕ
ВОЕННЫЕ
БОЕВИКИ**

**ВАЛЕРИЙ
КИСЕЛЕВ**

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Кровавое лето 1941 года

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К44

Художник Игорь Варавин

Киселев, Валерий Павлович.

К44 Непобежденные. Кровавое лето 1941 года / Валерий Киселев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. — (Фронтовик. Лучшие военные боевики).

ISBN 978-5-699-97343-9

Они приняли боевое крещение в июле 1941 года под Могилевом. Их дивизия пошла в бой против самого сильного соединения Вермахта — 2-й танковой группы Гудериана, — имея в строю 14 тысяч штыков. Через три месяца из третьего по счету окружения прорвались 806 бойцов. Израненные, обескровленные, черные от голода и недосыпа, едва держащиеся на ногах, видевшие все круги фронтового ада, — но несломленные. Непобежденные. Непобедимые...

Этот роман основан на реальных событиях — автор не только опросил всех оставшихся в живых ветеранов 137-й стрелковой дивизии, но и сам прошел пешком весь ее боевой путь. В этой книге нет ни слова вымысла, ни умолчаний, ни парадных мифов. Это чистая, неразбавленная, обжигающая, как фронтовые 100 грамм, перехватывающая дух и пробирающая до слез «окопная правда» Великой Отечественной. Это — гимн непобедимой русской пехоте, стоявшей насмерть летом 1941 года.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Киселев В. П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
ISBN 978-5-699-97343-9 © ООО «Издательство «Эксмо», 2017

В строй — с июня, в бой — с июля...
Смерть на войне обычна и сурова...
Ты помнишь, Алеша...
Мы мертвым глаза не закрыли...
А коль придется в землю лечь...
Опять мы отходим, товарищ...

**В строй — с июня,
в бой — с июля...**

— Командир, а командир... Товарищ лейтенант! — перешел на официальный тон красноармеец Новиков, заметив, что у спящего взводного дрогнули ресницы. — Станция. Разрешите за кипятком сбегать?

Лейтенант Валентин Вольхин посмотрел на часы: «Уже четвертый...» В проеме вагона светало.

Надев пилотку и подтянув ремни, Валентин шагнул к двери вагона. В нос, как и на всех станциях, где останавливались воинские эшелоны, ударил крепкий запах мочи. Бойцы его взвода спали вповалку, некоторые негромко похрапывали. Вторые сутки слушал Вольхин перестук вагонных колес, привык, и тишина уже казалась странной. Где-то в голове эшелона запыхтел паровоз, на соседних путях раздался легкий и протяжный перестук вагонов — шла сцепка. В вылезшей из под соседнего вагона фигуре Вольхин узнал командира полковой батареи «сорокапятков» лейтенанта Бориса Терещенко.

— А ты что не спишь? — спросил он. — И здесь уже бомбят, надо же. В Брянске мы, оказывается. Наверное, долго простоим: впереди пути ремонтируют.

— Если из Москвы на Брянск повернули, то скорей всего на Украину повезут, как думаешь? — спросил Вольхин.

— Кто знает... По мне, лучше бы туда. Может быть, через Полтаву поедем. — У Терещенко там жили родители. «Из Брянска на Полтаву не попадешь...» — с сожалением подумал Борис, вспомнив карту. — А помнишь, вчера в Москве, когда к нам товарищ Щербаков подходил, я его намек так понял, что мы в Белоруссию едем.

— Станет он тебе намекать! Просто так сказал, и все. А думаешь, он знает, куда мы едем?

Но в голове у Вольхина тоже сидела эта случайно оброненная Щербаковым фраза: «Ну что, выдержат сапоги Пинские болота?» — «Пинские! В Белоруссию направляют!» — мелькнула тогда мысль. Но Щербаков, конечно же, хотя и был секретарем ЦК ВКП (б), вряд ли знал, куда направляется их дивизия, если об этом не знали ни начальник эшелона, ни командир полка.

Из-под соседнего эшелона показался бегавший за водой Новиков. В руке он держал ремень, на нем болталось с десяток солдатских фляжек.

— Быстро ты. Недалеко, значит, вода? — спросил его Вольхин.

— Вагонов через пять пролез. Товарищ лейтенант, тут в эшелоне немцы пленные, в теплушке.

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Пробегаю — слышу, говорят по-немецки, да так громко, я даже обмер. Часовой сказал, что это летчики. Я заглянул в вагон — ну и морды...

— Залезай скорей, стоишь тут без ремня, вон ротный идет.

— Вольхин! Это у тебя люди бегают? Почему часового не видно? — сердито спросил подошедший командир роты старший лейтенант Цабут, подтянутый крепыш с кривыми «по-кавалерийски» ногами.

— Первухин! — громко крикнул Вольхин.

— Здесь я, товарищ лейтенант, — выглянул часовой из вагона.

Вольхин сел на пол вагона. Спать уже не хотелось, да и совсем рассвело. «Эх, ведь собирался записывать впечатления», — подумал он и достал из планшета записную книжку. Вздохнул глубоко, задумался, стараясь привести в порядок впечатления последних дней.

Всего лишь неделю назад плыл он на прогулочном теплоходе в Васильсурск, начинался отпуск после экзаменов в школе, где он работал учителем математики, и вдруг на тебе, война. «С корабля на бал», — с горькой иронией подумал Валентин и вспомнил, как он слушал на пристани выступление по радио наркома иностранных дел Молотова, все стараясь связать его слова о начавшейся войне с заявлением ТАСС от 14 июня. В голове тогда только стучало: «Война... Но как же так?» С пристани он, не заходя домой, побежал в военкомат. Последние два года его частенько призывали на сборы как лейтенанта запаса.

Сейчас он с трудом вспоминал подробности этого первого дня войны. В военкомате принял по списку бойцов своего взвода. Потом через кремль спустились в Красные казармы и там получили снаряжение и оружие. Когда принесли ящики с винтовками, он понял, что дело серьезное и, видимо, надолго. Это, пока все переодевались в военное, была надежда, что все образуется, их немного подержат, пока правительства СССР и Германии ведут переговоры, и отпустят домой.

Вечером удалось сбежать проститься с матерью. Ночевать предстояло уже в казарме. Мать была удивлена, увидев сына в форме, и никак не хотела поверить, что завтра возможна отправка на фронт. Вспомнились ее растерянные, заплаканные глаза, казавшиеся тогда лишними и даже обидными слова: «Будь осторожен, береги себя, береги себя, сынок». Он не чувствовал ни страха, ни растерянности, была, наоборот, мальчишеская радость, что едет на фронт одним из первых. Никогда еще он с такой гордостью не надевал военную форму.

С утра на второй день войны их 771-й полк начал погрузку в эшелон. Несколько часов заносили в вагоны ящики со снарядами и патронами, дружно, с матерком и смехом, втаскивали на платформы новенькие «сорокапятки», заводили туда же упиравшихся, нервно ржавших приписных лошадей, пригнанных из ближайших колхозов. С удивлением, что даже это было кем-то заранее предусмотрено, нагрузили для лошадей два вагона прошлогоднего прессованного сена в тюках.

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

В первый день, когда взвод только получил обмундирование и все сели его подгонять, стараясь держаться вместе и не смешиваясь с другими, Вольхин, как приказал комиссар полка, опросил своих бойцов: кто, где и когда родился, кем работал. Но в тревоге и сумятице первых дней запомнить удалось не всех, сначала и в лицо путал. Почти все, прибывшие из запаса, оказались уроженцами Павловского района. В основном колхозники, мужики серьезные, семейные. Многие жалели, что уезжают на фронт и не успели накопить дома на корову. Вольхин обрадовался, что одно отделение у него будет кадровое. Командовал им сержант Олег Мухин, москвич, парень интеллигентной внешности, как узнал потом Вольхин, студент МИСИ. На призывном пункте он увидел много знакомых лиц по сборам осенью и весной, попросил капитана Шапошникова, начальника штаба полка, разрешить ему отобрать во взвод знакомых, тот согласился, и теперь у Вольхина два командира отделений были его старые товарищи, дважды бывшие с ним на сборах, сержанты Фролов и Вертьянов. Оба усачи, только один черный, другой белый, замечательные, проверенные ребята, на которых всегда можно было положиться. Кроме этих двоих, во взводе было еще пятеро из его взвода с осенних сборов. Вольхин тогда подумал, что лучше уж взять людей, которых он знает, чем каких дадут, если есть возможность выбирать.

Хотя все они были недавние штатские, почти одногодки, он не боялся теперь панибратства,

как перед первыми сборами. Тогда он, недавний студент, стеснялся командовать людьми, давно отслужившими в армии. На первых сборах он еще неуверенно подавал команды и боялся ошибиться, сейчас чувствовал себя перед строем вполне уверенно. Да и сама военная форма как-то быстро подтянула людей. Его бойцы из приписного состава отличались от кадровых только новым, не обмятым обмундированием, а пилотки на всех сидели даже изящно, «как пирожок», по любимому выражению их ротного.

О начавшейся войне во взводе, даже когда садились перекурить, не говорили. Вольхин понял, что эти мужики еще просто не осознают, что их ждет и какая она будет, эта война.

Когда их полк шел на вокзал на погрузку и на тротуарах стояли толпы людей, лейтенант Вольхин думал только о том, что надо хорошо пройти, показать себя не бывшими штатскими, а настоящими бойцами. Не было тогда в голове никаких других мыслей. Он шел, по-строевому печатая шаг впереди своего взвода, слыша только четкий топот сотен ног по асфальту. Лица людей по сторонам как-то слились в своей пестроте. На мосту через Оку, когда впереди вдруг грянул обжигающий сердце марш «Прощание славянки», Вольхину нестерпимо захотелось оглянуться на город. На ходу он повернулся, запоминая этот миг: зеленые откосы, как игрушечные домики, церковка, кремль на горе и серо-зеленая лента словно выходящего оттуда полка. «В последний раз вижу», — мелькнула тог-

да мысль. И настроение сразу упало до обычного, оказалось, что и лица людей на улицах были вовсе не торжественные, какими ему их хотелось видеть.

На второй день после начала войны, когда к одному из его бойцов пришла попрощаться мать, Вольхин, увидев на ее лице слезы, сказал: «Ну, что вы, мамаша, через два месяца мы на Ла-Манше будем!» Тогда он не понимал, что сказал явную глупость. Германия — это не Япония или Финляндия, всю Европу подмяла под себя. «За два месяца, пожалуй, все же не справиться», — скоро понял Вольхин. Да и в сводках Информбюро уже на третий день зазвучали тревожные нотки. В голове началась явная путаница. Вольхин, впрочем, как и все, пока еще успокаивал себя тем, что Гитлер напал внезапно, вот Красная Армия мобилизует все свои силы и война пойдет по-другому, действительно на чужой территории, иного хода войны он и не допускал.

Вольхин своими глазами видел всю силу их полка, а ведь это один полк, сколько же их сейчас поднимается по всей Красной Армии! Он был полностью уверен и в своих бойцах, и в самом себе. Еще год назад, действительно, какой он был командир, а теперь — есть кое-какой и опыт, и навыки командирские, хотя и приобретенные не на войне или в училище, а на двух сборах, по месяцу каждый. Война представлялась ему как большие учения с боевой стрельбой, а то, что и противник тоже будет стрелять и наступать, еще не приходило в голову.

Вспомнились Вольхину и проводы их полка на фронт. Народу не было, не считая ребятишек, облепивших привокзальные заборы. «Чтоб без лишних слез, правильно», — заметил он тогда. Не было и оркестра, но все равно чувствовалась торжественность момента. Впервые тогда увидел Вольхин товарища Родионова, первого секретаря обкома партии. С командованием дивизии он медленно обошел строй полка, задумчиво вглядываясь в лица, словно стараясь их запомнить. Митинг был кратким, и это всем понравилось. Ни к чему сейчас было говорить много слов, и так всем все было ясно: война — вот главное. И воевать надо смело и добросовестно — это понятно было каждому. А хорошо он сказал, все же действительно один раз наш город, тогда Нижний Новгород, всю Россию спас. И о пролетарских традициях сормовичей сказано было сильно. Народ в полку подобрался надежный, рабочий, с трудовой закалкой и воспитанием от дедов и отцов.

Когда тронулся эшелон, все посмотрели друг на друга совсем другими, как-то сразу посерьезневшими глазами. Сначала смотрели из дверей вагона на город, потом, когда начались пустые поля, говорить расхотелось даже тем, кто перед посадкой в сумятице успел сбегать к киоскам на перроне, выпить по стакану красного вина, «на посошок». Когда поезд набрал скорость, всех дружно потянуло на курево. Вольхин достал из вещмешка «Как закалялась сталь», захваченную из дома, собирался читать своим бойцам по дороге, но повертел ее в

руках и положил в мешок. «Не тот момент, надо всем побыть с самим собой, проститься мысленно с домом».

Лейтенант Вольхин полистал свою записную книжку, с сомнением подумал, что вряд ли удастся исписать ее хотя бы наполовину, и написал всего одну строчку: «25 июня — отъезд на фронт».

Эшелон дернулся и стал медленно набирать ход. В проеме двери поплыли вагоны соседнего состава, потом понеслись телефонные столбы, промелькнули опоры моста. Вольхин вспомнил, как вчера на какой-то станции напротив их эшелона остановились платформы, забитые ранеными. Было ужасно видеть и понимать, что раненых уже так много, что для их перевозки не хватает обычных санитарных, пассажирских вагонов или хотя бы теплушек. Кто-то из раненых, подняв перебинтованную, почти черную от грязи и засохшей крови руку, крикнул: «Вот как нас немец встретил!» Когда платформы с ранеными тронулись и стали набирать ход, из эшелона их полка, спешившего на фронт, прыгнул человек, Вольхин успел заметить, что это какой-то лейтенант-запасник. Когда этот лейтенант стал забираться на платформу, кто-то из эшелона выстрелил ему в спину из винтовки. «Неужели среди нас есть такие трусы и негодяи... — с ужасом подумал тогда Вольхин. — Хотел спрятаться среди раненых...»

— Командир, шесть часов скоро, — вывел Вольхина из раздумий дневальный. — Подъем объявлять?

— Конечно, не к теще же едем.

— Взвод! Подъем! Хватит спать!

— Ну, чего орешь, не в казарме, — не поднимая головы, пробурчал один из лежащих.

Но все уже зашевелились, закричтели.

— Опять едем? Где хоть?

— Брянск проехали, — сказал Вольхин.

— Подъем... У нас на срочной в роте два азербайджанца были, — наматывая портянку, начал рассказывать красноармеец Морозов, по прозвищу Савва, за каких-то два дня ставший самым заметным во взводе за редкую общительность и веселый нрав. — Старшина закричит: «Подъем! Вставай!» А они спросонья: «Куда пойдем? А-а, в столовой...» Костя, оставь покурить, — бросил между делом Савва, заметив, как кто-то с утра пораньше задымил. — Курево надо экономить. Хотя, с другой стороны, кто знает, сколько нам еще доведется на этом свете дым пускать...

Начались обычные утренние солдатские разговоры, и Вольхин шагнул к двери вагона, провожая глазами поля с начинавшей слегка желтеть рожью, перелески, деревеньки вдалеке. «А природа такая же, как и у нас...»

Начальник штаба 771-го стрелкового полка капитан Шапошников так и не смог уснуть, пока их эшелон шел ночью от Москвы до Брянска. Нервное напряжение последних четырех дней не спадало. Александр Васильевич приказывал себе спать, но сон не приходил. Снова в который раз

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

за ночь в голову лезли одни и те же мысли: «Что еще не сделано для подготовки полка, как будем вступать в бой?»

Рядовой состав в полку подобрался хорошо подготовленный, из запаса пришли в основном молодые мужчины, еще не забывшие армейской дисциплины. Более восьмисот человек прибыло из Павловского района — металлисты, колхозники. Хотя это был все же далеко не тот полк, что летом сорокового года. Тогда на показательных учениях, которые проводил сам нарком обороны маршал Тимошенко, полк так себя показал, что командование округа приняло решение передать его личный состав на формирование одной из частей Московского гарнизона. Для формирования нового полка оставили лишь командира, замполита, начальника штаба да личный состав тыловых и специальных подразделений. Всеми правдами и неправдами Шапошникову удалось тогда часть лучших командиров и сержантов перевести в тыловые подразделения, временно, конечно. Когда началось реформирование полка, у него, по крайней мере, было на кого опереться, хотя бы не с пустого места начинать работать. А с пустого места формировать этот же полк ему за последние полтора года пришлось даже трижды. Сначала в Сормове, потом в Арзамасе, оттуда переехали в Чебоксары. Пробыли там недолго, но все равно весь командный состав полка был избран депутатами горсовета. Впрочем, всем им было тогда не до исполнения наказов избирателей. И в Че-